

ЛЕНТА.РУ: Жизнь российских журналистов в условиях тотальных запретов.

За два минувших месяца Роскомнадзор вынес предупреждение сразу пяти СМИ. «Росбалту» — за призывы к экстремизму, радио «Говорит Москва» — за отрицание семейных ценностей, журналу Maxim — за мат, а «Новой газете» и Colta.ru — за публикацию отрывков из литературных произведений, в которых содержался мат, хоть и скрытый отточиями. Табу на мат, разумеется, не главная препона для СМИ. Действующие законы по сути запрещают журналистам писать тексты про онкобольных или самоубийц: ни способы суицида, ни названия наркотических препаратов упоминать нельзя. «Лента.ру» поговорила с представителями СМИ об абсурдности запретов и о том, как российским медиа жить дальше.

Александр Маленков, главный редактор мужского журнала Maxim:

«У нас три предупреждения: за мат (за упоминание названия песни группы «Ленинград» — стилистической обработки нецензурного варианта выражения «Что надо»), за пропаганду курения (в статье «Как пускать колечки дыма») и снова за мат (в интервью с бывшим солистом группы «Ляпис Трубецкой»). Причем в интервью Михалка мы честно расставили точки во всех его матерных оборотах, но в каждом случае было понятно, какое именно ругательство имеется в виду.

Помню, на первом слушании по предупреждению за каламбур «Ленинграда» судья всё удивлялась, как она будет оценивать слова, которые скрыты. «Почему я должна знать, мат это или не мат?» — вопрошала она. Сотрудники Роскомнадзора и сами признают, что закон довольно мутный, и порой не понимают, где начинается и кончается мат, потому что всегда возникают промежуточные формулировки, которые нельзя однозначно причислить к одной из категорий, а законодатели не потрудились эти моменты уточнить.

Слово ведь — живая субстанция, трудно подгоняемая под рамки. Для него не существует линейки. Грамм кокаина можно взвесить, а как определить и регламентировать то, о чем поет «Ленинград»? Так же, как никогда не получится провести границу между порнографией и эротикой.

Регламентировать должна совесть авторов, а не запреты на упоминание. Непонятны и рамки пропаганды. Круг интересов нашего издания широк, и время от времени в него попадает и суицид, и фашизм — это существующие явления, о которых сейчас, получается, нельзя писать. Раньше нельзя было писать «как-то», а сейчас — «о чем-то». Предполагается, что если мы не будем об этом говорить, то явление исчезнет само по себе: мы не пишем про суицид, а значит — он должен сойти на нет. Но ведь все не так, это страусиная политика. Выходит, даже если суициды исчезнут, мы об этом не узнаем, потому что о них нельзя писать.

Дума — это инструмент проведения властью своей политики. Я считаю, что депутаты выполняют некий госзаказ. Среди них есть те, кому не нравятся эти законопроекты, но они за них голосуют. В итоге мы упираемся в несовершенство текущей политической системы: эта длинная цепочка неизбежно приводит к тому, что люди сидят в суде и тихо матерятся теми самыми четырьмя запрещёнными словами.

Я осознаю, что я плохой гражданин, поскольку, будучи противником запретительных законов, все равно им подчиняюсь. Мы ведь хотели создать прецедент, когда судились за упоминание песни «Ленинграда», могли отстаивать свои права, заказать лингвистическую экспертизу. Но потом передумали и признали, что нарушили, потому что на кону стоял незначительный штраф в 15

тысяч рублей. Мы решили, что наша задача — выпускать журнал, а не искать справедливости. Наверное, это неправильно, но я придерживаюсь политики «лучше быть счастливым, чем правым», потому что просто хочу спокойно работать. Мы не общественно-политическое издание, наше дело — зарабатывать деньги путём развлечения наших читателей. Первым на баррикады я не поспею. По крайней мере, в статусе главного редактора мужского журнала Maxim».

Журналист Валерий Панюшкин — о запретах на публикацию информации о суициде и наркотиках:

«В мире есть люди, которые серьезно относятся к своей профессии, которые считают, что профессиональный долг важнее закона. Если вы законодательно запретите отрезать людям какие-либо органы, а к хирургу привезут пациента с острым аппендицитом, он все равно отрежет ему аппендикс, — просто потому, что для него клятва Гиппократа важнее.

По закону нам запрещено разговаривать о суицидах. В то же время есть необходимость вести серьезный разговор о медицинском обороте наркотиков, которые нужны для того, чтобы снимать болевой синдром у тяжело больных пациентов, в том числе на терминальной стадии рака.

Сложно представить, что из-за этого запрета глава фонда «Подари жизнь» Екатерина Чистякова или глава фонда помощи хосписам «Вера» Нюта Федермессер перестанут говорить об обезболивании для онкобольных. Они будут продолжать разговор, даже если их за это будут сажать в тюрьмы, вешать и расстреливать у столбов. Просто потому, что у них на руках умирают люди в ужасных муках. Представление о профессиональном долге заставляет их говорить: «Да идите вы все в баню с вашими законами, у меня тут люди корчатся от боли, и я буду рассказывать о том, как им плохо, и о том, что врач скорой помощи во всем мире имеет право ввести морфин, а в России — нет».

Сложно представить, что подростки читают серьезные тексты про медицинский оборот наркотиков и терминальную стадию рака. Недавно уведомление про суицид было вынесено portalу «Православие и мир». Вообразить подростка, который почему-то читает «Православие и мир» вместо того, чтобы смотреть японские мультики, опять же трудно.

Наши депутаты принимают множество дурацких законов — от запрета кружевных трусов до степени допустимой тонировки автомобильных стекол, в то время как огромного количества нужных законов не хватает. Они пытаются регламентировать вещи, которые регламентированы быть не могут, соблюдать эти законы всерьез невозможно. Зато с их помощью можно портить кровь своим врагам и конкурентам, как в случае с порталом «Православие и мир». Какие-нибудь православные фундаменталисты решили наехать на довольно прогрессивный православный портал. Наябедничали в Роскомнадзор, а тот принялся писать письма и запрещать. Попортили крови главреду Анне Даниловой. Всё. Единственное возможное применение этому закону — мелкие диверсии против СМИ».

Дмитрий Муратов, главный редактор «Новой газеты»:

«20 июля издание получило предупреждение за использование мата в опубликованном фрагменте из книги «Кристалл в прозрачной оправе».

Нам вынесли предупреждение за мат в тексте Васи Авченко, нашего корреспондента в Приморье, одного из лучших писателей страны, нежнейших, умнейших стилистов. Его вообще нужно включать в учебники. Это новый Пришвин, продвинутый хипстерский Пришвин. Он мне очень

нравится. Его книга о море и камнях («Кристалл в прозрачной оправе. Лирические лекции о воде и камнях» — прим. «Ленты.ру») — это гениальная проза. И нет ничего страшного в том, что там есть слово [не обременяющий себя обязательствами человек]. Когда он говорит о том, что в отличие от южных народов северные отличаются этим свойством... ну, а что тут поделаешь? У нас это слово, кстати, было «запикано».

Лично я — жёсткий сторонник запрета на бранную и обценную лексику в СМИ. И сам я уже год не ругаюсь матом. Я не хочу, чтобы наши дети, читая «Новую газету» или «Ленту.ру», встречались с этим до того, как они вырастут. Если при моей дочери на улице будут ругаться матом, я набью харю этому человеку, потому что надо оберегать детей от этого говна.

Но в отношении произведений литературы рамки могут и должны расширяться. Напечатано это в газете, или на сайте, или в книге — не имеет значения. Это литературное произведение, на что «Новая газета» указала. В начале недели мы примем решение, будем ли мы оспаривать это предупреждение в суде.

Я не согласен в данном случае с Роскомнадзором, да и вообще три предупреждения медиа только за одну неделю — это многовато, конечно. Но я точно не конспиролог, поэтому отношусь к этому благодушно и искренне не вижу в этом какой-то политической составляющей. Мы получили второе предупреждение, но Роскомнадзор не стал спешно подавать в суд на отзыв у нас регистрации.

Что до ограничений, касающихся текстов про онкобольных, серьезного разговора о наркотиках и спайсах, наша редакция не будет соблюдать нормы, которые предписывает Роскомнадзор. Категорически нельзя этого придерживаться. Нужно ли СМИ добиваться смягчения закона, обращаться к депутатам? Знаете, депутаты — это люди без репутации, рассчитывать на них я не стану».

Филипп Дзядко, журналист:

«24 июля Роскомнадзор вынес предупреждение Colta.ru за мат в рецензии Дзядко на цикл стихотворений Юлия Гуголева».

Новость о том, что заметка о стихах Юлия Гуголева впечатлила Роскомнадзор, я прочитал в лесу, в компании ста семи детей, в детском летнем лагере, где работаю вожатым. Новости из Москвы здесь читаются как последние страницы истории болезни душевнобольного. Надо запретить людям, говорящим на чужом языке, давать деньги на русские библиотеки, говорит душевнобольной. Людям, желающим помогать другим учиться, делать открытия или просто выживать, надо запретить это делать: пусть оставшиеся без помощи сдохнут или превратятся в обезьяну, говорит душевнобольной. Надо указать людям, с кем они могут целоваться, а с кем не могут, говорит душевнобольной. Тем, у кого есть специальные нашивки, погоны и корочки, надо разрешить воровать и убивать, говорит душевнобольной. И так далее. Говорит и делает. И делает все это, произнося громким голосом слова «отечество», «патриотизм», «священная война», и наносит киркой удары по головам случайно попавшимся под руку, ежесекундно крестясь. Слово «ханжество», пожалуй, слишком нежное для описания этой ситуации. Я не врач этому человеку, он не вызывает у меня сочувствия, поэтому я с лёгкостью скажу, что он... И даже сквозь отточия будет ясно, какое дано определение.

Как сказано у Гуголева:

«Где этот вечер, гроза, этот вид из окна —
только фрагменты, которых не вырезать в фильме.
Все эти годы ты смотришь глазами сухими,
слышишь, как Лёля кому-то кричит, что «война,, война!»

Это война, в том числе здравого смысла с душевнобольным. Душевнобольной скоро съест сам себя, вопрос в том, сколько здравого смысла он успеет загубить.

Перечитайте стихотворения Гуголева».

Лариса Афонина, генеральный директор «Росбалта»:

«15 июля агентство получило предупреждение за ролик с экстремистскими призывами, прикрепленный к новости.

Мы хотели объяснить нашим читателям, кто такая Ирина Фарион (бывший депутат Верховной Рады Украины, в России в отношении нее возбуждено уголовное дело о подстрекательстве к убийству российских граждан и экстремизме — прим. «Ленты.ру»). К новости был подгружен видеоролик «Ирина Фарион призвала уничтожить Москву (русский перевод)». Мне и самой Фарион не нравится, она одиозная гражданка, и её политические заявления действительно экстремистские. Но как мы можем сделать такой вывод, если мы не слышали ни одного её заявления? Получается, читатель должен поверить нам на слово? При этом ролик, за который нам вынесли предупреждение, до сих пор находится в свободном доступе на Youtube.

Сейчас нам вынесли предупреждение об экстремизме. Но в России такое количество тем под запретом, что тебя могут заподозрить если не в том, так в другом. За последние 12-15 лет зарегистрировано больше 130 законопроектов, которые регулируют деятельность СМИ. Начали за здравие — чуть-чуть подправить хороший закон, — а кончили, как обычно, за упокой, постепенно всё больше ужесточая надзор за СМИ и вводя карательные меры.

Под запрет попадает фактически любое упоминание о суициде. Написать, что женщина повесилась на дереве, якобы уже означает указание на способ совершения самоубийства.

Основная проблема этих законов — их произвольное трактование. Сапёр, как известно, ошибается один раз. Журналисты ошибаются до тех пор, пока им хватает денег на штрафы и нервов на суды. За два с половиной года размеры штрафов для СМИ увеличились от двух до десяти раз. Максимальный штраф для СМИ — за призывы к экстремизму — поднялся до миллиона рублей.

P.S.: Вадим Амелонский, пресс-секретарь Роскомнадзора:

Принимая решение о вынесении предупреждения, Роскомнадзор руководствуется нормами закона и подзаконных актов. Виды запрещённой информации определены статьей 4 закона «О СМИ» («Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации»). Она запрещает использовать СМИ для совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения гостайны, публичных призывов к терроризму, экстремистских материалов, пропаганды порнографии, культа насилия и жестокости, нецензурной брани, информации о наркотиках и психотропных веществах, раскрытия персональных данных детей, ставших жертвами преступления и прочее.

Отдельный закон «О противодействии экстремистской деятельности» дает понятие о том, какие материалы являются экстремистскими. Как правило, при определении признаков нарушения, связанного с распространением экстремистских материалов, мы применяем нормы обоих законов. Кроме того, существуют федеральные законы №436-ФЗ и 139-ФЗ, которые запрещают распространять определенные виды информации среди несовершеннолетних, не только в СМИ, но и в интернете. Для СМИ, в зависимости от возрастной маркировки, предусмотрены несколько различных режимов распространения такой информации.

В вопросе использования мата регулятор опирается на мнение института русского языка имени Виноградова. В 2013 году мы просили их дать разъяснения, что является матом, а что нельзя относить к нецензурной брани. Эксперты ответили нам, что к мату относятся всего 4 общеизвестных слова, а также их производные и содержащие их идиомы. Если матерное слово однозначно прочитывается в тексте СМИ, даже в случае частичной маскировки, это нарушение закона. Материалами СМИ являются все размещенные в СМИ материалы, включая мультимедийный пользовательский контент. Редакция несет ответственность за его содержание (за исключением рекламы — в этом случае ответственность несет рекламодатель).

Ведомство выступает за профессиональное и широкое обсуждение в СМИ всех острых социально-значимых проблем при условии неукоснительного соблюдения норм действующего законодательства. Роскомнадзор не сомневается в своих решениях, так как опирается на экспертизу. Регулятор не обладает правом законодательной инициативы для изменения законов.

<http://lenta.ru/articles/2015/07/30/zaprety/>